

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.27>

Манёрова Кристина Валерьевна

УЗУАЛИЗАЦИЯ КОНТРАДИКТОРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ "SANCTION" В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ XVII-XVIII ВВ.

В статье исследуется узуализация различающихся значений лексемы "Sanction" (санкция) в немецком языке XVII-XVIII вв. с учетом эврисемантности. С помощью этимологического анализа, лексикографического и корпусного методов в работе впервые исследованы семантическая деривация значений немецкой лексемы "Sanction" в диахронии и примеры ее употребления в контрадикторных значениях. Лексема "Sanction" происходит из религиозного дискурса, в немецкий язык заимствована из средневековой латыни через французский язык. Этимологически обусловленная отнесенность к сакральности утрачена в лексеме в результате языковой секуляризации. В немецком языке XVII-XVIII вв. "Sanction" - маркер правового дискурса, в котором выявляются различающиеся значения лексемы, обусловленные семантико-деривационным развитием в диахронии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 132-137. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.112.2; 81'37

Дата поступления рукописи: 10.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.27>

В статье исследуется узуализация разнящихся значений лексемы “Sanction” (санкция) в немецком языке XVII-XVIII вв. с учетом эврисемантической. С помощью этимологического анализа, лексикографического и корпусного методов в работе впервые исследованы семантическая деривация значений немецкой лексемы “Sanction” в диахронии и примеры ее употребления в контрадикторных значениях. Лексема “Sanction” происходит из религиозного дискурса, в немецкий язык заимствована из средневековой латыни через французский язык. Этимологически обусловленная отнесенность к сакральности утрачена в лексеме в результате языковой секуляризации. В немецком языке XVII-XVIII вв. “Sanction” – маркер правового дискурса, в котором выявляются разнящиеся значения лексемы, обусловленные семантико-деривационным развитием в диахронии.

Ключевые слова и фразы: Sanction; узуализация значений; семантическая деривация; языковая секуляризация; эврисеманτικότητα.

Манёрова Кристина Валерьевна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
k.manerova@spbu.ru

УЗУАЛИЗАЦИЯ КОНТРАДИКТОРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ “SANCTION” В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ XVII-XVIII ВВ.

С начала XVII в. в немецкоязычном правовом пространстве участилось дискурсивно обусловленное употребление лексемы “Sanction” (санкция) при освещении разнообразных государственных и политических событий. Однако даже первичный анализ контекстуальных примеров употребления существительного “Sanction” позволяет выявить неоднозначное, противоречивое употребление этой лексемы. Актуальность исследования определяется его включенностью в парадигму изучения диахронического развития трансфера дискурсов на примере лексических дискурсивных маркеров с контрадикторными значениями, каким является лексема “Sanction”. Научная новизна состоит в анализе развития семантической контрадикторности в конвергентном ракурсе, а именно с учетом сближения двух явлений языка: лингвистической секуляризации и эврисемантической лексических единиц. Таким образом, цель исследования, предлагаемого в статье, заключается в анализе узуализации контрадикторных, разнящихся значений немецкой лексемы “Sanction” в условиях ее эврисемантической в немецком политически-правовом дискурсе XVII-XVIII вв. Эврисеманτικότητα как наличие противоположных сем в семантическом ядре слова и обусловленное этим его неоднозначное употребление утверждается в статье в качестве фактора, 1) возникшего в результате языковой секуляризации, 2) влияющего на особенности языкового несовпадения в употреблении лексемы “Sanction” в немецком языке XVII-XVIII вв., 3) влияющего на узуализацию ее разнящихся значений в политически-правовом дискурсе. В качестве инструмента для исследования узуализации значений лексемы “Sanction” использованы лексикографический и корпусный подходы: приводятся наблюдения над кодификацией значений лексемы “Sanction” в 10 словарях [5; 6; 11; 12; 14; 15; 16; 18; 20; 27], а также данные, основанные на изучении сочетаемости и дистрибутивном окружении лексемы “Sanction” на материале немецкого корпуса, размещенного на словарном электронном портале “Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)”, в разделе исторического архива [11]. Результаты лингвистической интерпретации языковой секуляризации лексемы “Sanction” представлены на примерах употребления этой лексемы в диахронии впервые.

Приведем наблюдения над этимологией лексемы, которые для нашего исследования могут оказаться чрезвычайно важными. Выбранный для анализа период XVII-XVIII вв. характеризуется как начало становления нормы немецкого языка науки и права в эпоху Просвещения, ср. работы К. А. Филиппова, Л. Н. Григорьевой, К. В. Манёровой о развитии немецкого научного дискурса [4; 8; 13]. В немецком языке эпохи Просвещения происходит узуализация значений «онемеченных» ксенолексем, какой и является существительное “Sanction”. Ксенолексема “Sanction” происходит из религиозного дискурса, хотя и не является ни оригинальным религиозным термином, ни библеизмом. В семах этого слова содержится (квази)религиозная коннотация, проследить которую возможно с помощью этимологического анализа. Согласно данным этимологического словаря немецкого языка В. Пфайффера, немецкое существительное “Sanction” заимствовано через французский язык (фр. *sanction*) из латинского языка в XVI в., от лат. “sanctio”, с первичным значением «освящение, объявление чего-л. ненарушимым» [20, S. 1347]. Существительное “sanctio”, в свою очередь, является девербативом от латинского глагола “sancio, sancire” со значением «свящать, освящать», этимологически родственному прилагательному “sacer” «святой, священный» и наречию “sancte, sant(e)” «свято», «нерушимо» [6, с. 567].

Латинское прилагательное “sanct(-us,-a,-um)” имело значение «освященный, неприкосновенный, секретный» и исконно обозначало древнеримские сакральные сооружения, храмы и культовые места. В древневерхне-немецком и средневерхне-немецком зафиксирована латинская заимствованная основа “sanct-, sankt-” «святой», компонент “sante, sant” «святой» обозначает сакральное в христианской трактовке, восприняв это значение от лат. прилагательного “sanct(-us,-a,-um)” [16; 18, S. 55-56]. В церковной латыни и в традиции германских

монастырей латинский корень “sancte” обозначал «чистый, непорочный», став частью личных имен христианских святых и мучеников, напр. *Sancta (Sankt) Barbara* (Св. Варвара), *Sankt Goar* (Св. Гоар Аквитанский).

В целом лексика религиозного дискурса является одним из древнейших и мощных источников семантических дериватов во многих европейских языках. Исконно сакральное значение лексемы или словосочетания может быть утрачено, и лексика приобретает новое значение, таким образом, переходя из религиозного дискурса в светский. Возможную профанизацию языковых компонентов наименования культа упоминает В. Г. Гак при сравнении русских и французских библеизмов: «Давно замечено, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические проклятья и даже в бранные слова. Такая же судьба бывает и у библейских цитат» [2, с. 58]. «Обмирщение» лексики можно назвать явлением, характерным и для русского языка, так А. А. Алексеев приводит пять типов рецепции христианских слов из Св. Писания в современном русском языке. Среди этих типов лингвист отдельно упоминает слова, исконно религиозные, но известные современному русскому языку в других значениях, и приводит несколько примеров такого развития, из них первое значение употребляется в текстах Св. Писания, второе – в русском литературном языке сегодня, напр.: «глагол»: слово – часть речи, обозначающая действие. «Количество слов такого рода довольно велико, их появление объяснимо длительной исторической традицией языкового и культурного развития в России» [1, с. 396].

«Обмирщение» лексики приводит и к развитию контрадикторных значений. Так, на примере интернационализма «легенда», ксенолексемы из религиозной культуры жизнеописания святых, И. А. Крылова и Н. А. Тулякова провели примечательный анализ развития более десятка новых значений этого существительного в русском языке, в том числе, на основе актуализации антонимичных сем «достоверность» и «неправдоподобие» [3, с. 102-103].

В немецкой лингвистике по отношению к явлениям утраты религиозной коннотации в лексике и ее профанизации употребляется термин «языковая секуляризация» (нем. *sprachliche Säkularisierung*). Исследования языковой секуляризации современны: актуальные работы вышли в последнее десятилетие [10; 17]. Так, немецкий лингвист Хольгер Куссе выделяет прогрессирующую секуляризацию немецкоязычного религиозного дискурса и пишет, что в случае секуляризации дискурс исчезает в традиционном его понимании, а его рудименты, такие как религиозная лексика, начинают восприниматься как метафорические, эмотивные единицы, как лексические единицы, имеющие шутливую коннотацию, либо характеризуются развитием узкоспециальных значений [17, S. 156]. Это развитие не только вызывает изменение семантики, употребления и восприятия религиозной лексики, но и само может быть обусловлено трансфером дискурсов: из религиозного в профанный. Томас Дайбер, рассматривая вопросы секуляризации лексики, отмечает, что религиозный вокабуляр можно разделить на две группы. Одна группа обозначает объекты религиозного культа (напр., “der Weihrauch” «ладан», “der Chor” «хор», “der Choral” «хорал»), другая группа лексем называет процессы и концепты, метафорически обозначающие субъективное восприятие сакрального, то, что составляет суть религиозного переживания (напр., “die Verehrung” «почитание», “der Lobpreis” «прославление»). Обе группы лексем подвержены секуляризации, но не в равной степени: а именно, вторая группа метафоричных концептов выявляет расширение своего значения при секуляризации, развивает профанные – абстрактные или специальные – значения [10, S. 104]. Если следовать размышлениям Дайбера, то лексему “Sanction” с первичным значением «освящение» можно отнести во вторую группу секуляризированной лексики, т.к. освящение может пониматься как метафора. Таким образом, результат языковой секуляризации проявляется как семантический сдвиг: из сакрально коннотированного значения у лексемы развиваются и узуализируются другие значения, благодаря чему лексема впоследствии становится маркером не религиозного, а правового дискурса.

Что это за значения? Приведем их лингвистическую интерпретацию.

Этимология лексемы “Sanction” позволяет отнести ее к лексике описания священных ритуалов и практик в религиозном дискурсе. Секуляризация религиозной лексики связана с развитием семантико-деривационного потенциала и с появлением новых тематических областей применения таких лексем. С точки зрения лингвистики, процесс «обмирщения» слов заключается в утрате стилистических, коннотативных и коллокационных ограничений употребления подобных лексем, в увеличении частотности их употребления в контекстах, отличных от сакральных. Предположительно с XVIII в. в немецком языке лексема “Sanction” в акте заимствования в таких значениях, как «мера предупреждения» от существительного “sanction” из французского языка, часто употребляется в контекстах, позволяющих отнести ее к правовому дискурсу.

Еще в римском праве (период квинтского права, с VIII в. до н.э.) существовала неразрывная связь правового и сакрального, законной практики и священных действий жрецов. К публичному праву относились и вопросы религиозного культа: «Влияние сакрального права проникало в светские отношения самыми различными путями. Многие отношения, подлежавшие впоследствии светской юрисдикции, в древности подчинялись суду религии и ее органов» [7, с. 18] (орфография оригинала сохранена. – К. М.). Так, в «Полном латинском лексиконе» Э. Форчеллини в качестве значений лексемы “sanctio” даются две следующие дефиниции, первая из которых соотносится с сакральностью законности:

Sanctio, onis f. (постановление) (от глагола *sancio* – освящать, делать ненарушимым, постановлять, запрещать).

1. Вообще означает акт постановления, законопроект, закон; в собственном смысле, как некоторые полагают, тот закон, или часть закона, который определяет наказание; что (последнее мнение) не всегда является верным (перечисляются соответствия в других языках; древнегреческое слово значит «законоположение», «постановление», «предписание». – К. М.) [14].

В качестве иллюстративного примера к указанной дефиниции в «Полном латинском лексиконе» приводится выдержка из «Речи в защиту Луция Корнелия Бальба» Цицерона, в которой утверждается связь законности наказания и сакральности: «Постановления должны быть ненарушаемыми или из-за своего собственного рода, или из-за клятвы и освящения закона, или из-за наказания, потому что жизнь того, кто сделает противное постановлению, *посвящается богам* (Cic. Balb. 14.33)» [Ibidem] (сноски на источник «Речь в защиту Луция Корнелия Бальба» здесь и далее приводятся в цитируемом словаре. – К. М.).

2. В частности, это слово обозначает особый пункт, статью в договоре: «Тот народ был поставлен в превосходящие условия и положение, величие которого защищается статьей договора (Cic. Balb. 16.36)» [Ibidem].

Таким образом, в «Полном латинском лексиконе» приводятся два значения для “sanctio”, которые заимствованы в немецкий язык. Тем не менее, в немецком языке лексема “Sanction” в процессе семантической деривации расширила свое значение.

Для немецкого языка несакральные значения лексемы, связанные исключительно с правовым дискурсом, указаны в «Большой универсальной энциклопедии всех наук и искусств Цедлера 1731-1754 гг.»:

“Sanction→ Sanctio heist in denen Rechten überhaupt eine jedwede Obrigkeitliche Verordnung, insbesondere aber ein Gesetze mit einer Straffe oder dessen Beobachtung denen Unterthanen bey Vermeidung einer gewissen oder darinnen ausgedruckten Straffe eingeschräffet werden“ [15]. / «Санкция – в праве любое распоряжение власти, в особенности закон с наказанием или вменением его подданным при избежании определенного или содержащегося в нем наказания» (здесь и далее перевод примеров с немецкого языка автора статьи. – К. М.). Указаны и меры законных наказаний и штрафов, вменяемых в Германии XVIII в. при совершении преступлений разной степени тяжести: “Sanctio summa, Sanctio media, Sanctio infima” (высшая мера наказания, смягченная мера наказания, минимальная мера наказания).

Таким образом, несмотря на то, что в терминологии немецкого права в XVIII веке сильно влияние латыни, лексема “Sanction” претерпевает онемечивание, что отражается и в орфографическом варьировании: *Sanction*, *Sanktion*. Анализ контекстуальных примеров употребления немецкой лексемы “Sanction” позволяет утверждать, что языковая секуляризация не только не ослабила семантико-деривационный потенциал этой лексемы, наоборот, явилась стимулом для развития полисемии в виде шести специальных значений в XVII-XVIII вв. Корпусный анализ материалов из исторического архива “DWDS” позволил нам выделить следующие узусированные частотные производные значения лексемы “Sanction” в немецком языке XVIII в., детерминированные правом: 1) распоряжение; 2) законодательный акт; 3) утверждение; 4) признание; 5) часть договорного документа; 6) запрет, наказание [11]:

1. Распоряжение. В отрывке из книги Юлиуса Рора «Введение к государственной мудрости, или Представление, как подобает христианским и мудрым правителям для усиления их собственной и их страны благодати править своими подданными» (1718 г.) лексема “Sanction” коокурентна с лексемой “Verträge” (договоры): *Es ist bey der Auferziehung der meisten Printzen so eingeführt, daß sie in ihrer Jugend die Lateinische Sprache erlernen müssen, theils weil dieselbige überhaupt diejenige Sprache, die unter denen, so sich vor andern in Wissenschaften distinguiren wollen und sollen, Mode ist, theils auch, weil dieselbige noch bey unterschiedenen publicquen Sanctionen und Verträgen, die etwan aufgerichtet werden müssen, gebräuchlich ist* [24, S. 162]. / «При воспитании большинства принцев так принято, что они в юности должны учить латынь, ибо язык этот в ходу у тех, кто желает и должен отличаться в науках, а также по тому, что на нем составляют разные общественные распоряжения и договоры». Это значение лексемы восходит к дефиниции в Энциклопедии Цедлера “eine jedwede Obrigkeitliche Verordnung” (любое распоряжение власти), в современном немецком языке оно утрачено, более не кодифицируется словарями [5, с. 221; 12]. Коокуренция с лексемой “Verträge” (договоры) позволяет проследить ассоциативные и когезивные связи для раскрытия этого значения лексемы.

2. Прагматическая санкция как законодательный акт (лат. *Sanctio Pragmatica*, нем. *pragmatische Sanction*). Лексема “Sanction” развила коллокационный потенциал в соединении с прилагательным “pragmatisch”, став устойчивым термином средневекового права, в акте заимствования указанной коллокации из латыни. Это значение в составе коллокации “pragmatische Sanction” (прагматическая санкция) восходит непосредственно к римскому праву, применительно к правовым процедурам в немецких землях в XVI-XVIII вв., обозначает любое распоряжение князя или суверена в ответ на поданную ранее просьбу или прошение о рассмотрении административных или церковных вопросов [15], напр.: *Es wird auch zu weilen in den künftigen Friedens-Schlüssen und andern pragmatischen Sanctionen mit eingerückt, daß in Zukunfft alle wider den Friedens-Schluß eingewandte Protestationes und Contradictiones, sie haben Nahmen wie sie wollen, und rühren her woher sie wollen, verworffen und vernichtet seyn sollen* [23, S. 551]. / «В некоторые будущие мирные соглашения и другие прагматические санкции будет включен пункт о том, что в будущем все примененные против заключения мира протесты и противоречия, как бы они не назывались и откуда бы они ни происходили, должны быть отклонены и уничтожены».

Еще одна санкция под названием “pragmatische Sanction (österreichische)”, или «австрийская прагматическая санкция», вошла в вокабуляр и практику урегулирования процедуры престолонаследия в 1713 г. [15]. Согласно этой санкции, изданной австрийским императором Карлом VI о праве престолонаследия наследницами женского пола, на австрийский престол после смерти Карла VI взошла его дочь Мария Терезия: *Zum Vortheile seiner weiblichen Nachkommen errichtet Carl der VI. seine pragmatische Sanction* [21, S. 41]. / «В пользу своих наследниц женского пола издает Карл VI свою прагматическую санкцию». В примере можно проследить эврисемантичность употребления лексемы: без компонента “österreichische” (австрийская) соотнесенность коллокации с санкцией Карла VI не очевидна вне контекста.

3. Акт официального утверждения. Это значение находим, в частности, в контекстуальных примерах о королевском утверждении начала изготовления бумажных ассигнаций в 1790 г.: *Dieses Decret ward dem Könige noch an dem Tage, da es gemacht war, zur Sanction und Annahme überreicht, und man arbeitet schon an der Fabrication dieser Aßignate von 1000, 300 und 200 Livres* [26, S. 5]. / «Этот декрет был подан королю в тот же день, когда и был составлен, на утверждение, и уже ведутся работы над изготовлением ассигнаций в 1000, 300 и 200 ливров».

4. Признание. Приведем отрывок о признании лютеранской догмы из работы Фр. Шиллера об истории Тридцатилетней войны: *Jetzt zum erstenmal erfreute sich also die Lehre Luthers einer positiven Sanktion* [25, S. 24]. / «В первый раз учение Лютера получило положительное признание». В этом значении лексема выступает в составе коллокации “Sanktion geben” (дать свою санкцию на что-л., одобрить что-л.): *In vielen seiner Decrete erkennt man die Grundzüge zu den Anordnungen, denen bald nachher das tridentinische Concilium seine Sanction gab* [22, S. 54]. / «Во многих его декретах узнаваемы основные черты распоряжений, которые впоследствии получили признание на Тридентском соборе». В современном немецком языке это значение кодифицировано в словаре современного немецкого языка [27, S. 2998], в «Новом большом немецко-русском словаре» значение «санкция», «утверждение» указывается как основное с метапометой *юр.* [5, с. 221].

5. Часть законодательного или договорного документа, содержащая условия его исполнения или меры воздействия при его нарушении. В приведенном отрывке из административного и налогового регламента г. Страссбурга 1617 г. санкция имеет порядковый номер, как часть общего документа: *ENDlich bey der siebenenden Sanction, sollen die vberlebende Elteren/ Witwer/ Witwen/ Erben/ vnd Nachkommene/ pro Inscriptionibus, & Inscriptionum Documentis, für ein jede Abgestorbene Person/ (die in ihrem Leben eygen Gut versteurt oder besessen) deren Verlassenschaft sie sich vnderziehen/ auß derselben einen Gulden vnseren Deputaten erlegen* [19, S. 282]. / «И, наконец, согласно седьмой санкции регламента, оставшиеся в живых родители, вдовцы, вдовцы, наследники и потомки по подушной записи должны уплатить за каждого умершего (имевшего в жизни облагаемое налогом имущество), в права наследования кого они вступают, один гульден нашим депутатам». В современном немецком языке это значение лексемы “Sanktion” также кодифицировано [27, S. 2998].

6. Запрет, наказание. В этом значении лексема “Sanction” в контекстуальных примерах из текстов конкурентна с лексемой “die Strafe” (наказание), напр.: *Alle übrigen bürgerlichen Gesetze beziehen sich auf das Grundgesetz, und ihre Sanktion ist nicht blos Strafe, sondern Beziehung auf Strafrecht* [9, S. 102]. / «Все гражданские законы относятся к основному закону (Конституции), и их санкция не просто наказание, а отношение к уголовному праву». Значение кодифицировано в современном немецком языке [12, S. 3330].

Таким образом, анализ примеров контекстуального употребления лексемы “Sanction” в текстах XVII-XVIII вв. позволяет нам сделать следующие выводы об особенностях семантики и узуализации значений лексемы в немецком языке названного периода. В результате языковой секуляризации лексема “Sanction” употребляется в специальных текстах, в частности, в правовом дискурсе, в противоположных значениях: в значении разрешения «подтверждение, утверждение, распоряжение» – это значения, перечисленные под пунктами 1-5, а также в значении запрета «штрафы, наказание» – значение, указанное в пункте 6.

Эти специальные значения, реализуемые в правовом дискурсе, узуализируются уже к XVIII веку, о чем свидетельствуют результаты корпусного анализа. Очевидно, что языковая секуляризация является стимулом для расширения значения лексемы как разновидности семантического сдвига. Как разрешение, так и запрет в значениях лексемы “Sanction”, реализуемые в правовом дискурсе, – контрадикторные категории. Наличие столь различающихся значений у одной лексемы может быть объяснено одним, первичным сакральным источником для семантической деривации: в римском праве как оправдание, разрешение, так и наказание связаны с сакральностью, сам глагол “sancio” (освещать), о котором мы писали в начале статьи, в латыни развил контрадикторные значения: и «узаконивать», и «запрещать». Эти значения были заимствованы в немецкий язык, где подобное развитие привело к энантиосемии, эврисемантической употреблению лексемы, возникшей на основе соединения полярных сем в ее значении.

Проведенная лингвистическая интерпретация значений лексемы “Sanction”, а также анализ примеров употребления этой лексемы в немецкоязычном правовом дискурсе XVII-XVIII вв. позволяют сделать следующие выводы.

1. Лингвистическая природа секуляризации лексики заключается в потере стилистического коннотативного значения сакральности, утрате ограничения сочетаемости, увеличения частотности ее употребления, что демонстрируют результаты изучения немецкой лексемы “Sanction” на основе применения лексикографического и корпусного методов исследования.

2. Первоначальное сакральное значение в семах “Sanction” полностью утрачено в ходе языковой секуляризации. Языковая секуляризация не только не ослабила семантико-деривационный потенциал этой лексемы, наоборот, явилась стимулом для развития полисемии в виде шести специальных значений, для их последующей узуализации в немецком языке в XVII-XVIII вв. Результат языковой секуляризации проявляется как семантический сдвиг: из сакрально коннотированного значения у лексемы развиваются другие значения для номинации светских (общественных) ритуалов, правовых практик, благодаря чему лексема “Sanction” становится маркером правового дискурса.

3. Лексема “Sanction” развивает контрадикторные значения: 1) распоряжение; 2) законодательный акт; 3) утверждение; 4) признание; 5) часть договорного документа; 6) запрет. Наличие столь различающихся

значений у лексемы (энантиосемия) может быть объяснено влиянием первичного сакрального источника для семантической деривации: в римском праве как оправдание, так и наказание детерминированы сакральностью.

4. Эврисемантическая лексема “Sanction” в немецком правовом дискурсе XVII-XVIII вв. проявляется в ее контекстуальном употреблении, что, в частности, иллюстрирует пример с коллокацией “pragmatische Sanction”. Эврисемантическая лексема “Sanction” возникает в результате трансфера дискурсов и реализуется в контексте, в качестве уточнения значения выступают языковые факторы (коокуренция, коллокационный потенциал) и неязыковые факторы (влияние древнеримской правовой традиции).

5. Возможность проследить узуализацию значений лексемы “Sanction” в немецком языке XVII-XVIII вв. с учетом ее эврисемантической позволяет прицельно исследовать противоречивое употребление существительного в современном немецком политически-правовом дискурсе. Анализ, приведенный в статье, должен способствовать исследованию узуализации контрадикторных значений существительного “Sanktion” в современном немецком языке, а именно в аспекте развития идеологической значимости дискурсивного маркера “Sanktion” в значении «вето, эмбарго», что будет продемонстрировано в дальнейшем.

Список источников

1. **Алексеев А. А.** Христианская терминология русского языка // Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 393-398.
2. **Гак В. Г.** Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 55-65.
3. **Крылова И. А., Тулякова Н. А.** Слово «легенда» в речевом употреблении и в словарном отражении: заимствование, функционирование, идеология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 100-115.
4. **Манёрова К. В.** К вопросу развития немецкой языковедческой терминологии в трудах просветителя Иоганна Кристофа Аделунга (1732-1806) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 4. С. 78-84.
5. **Новый большой немецко-русский словарь:** ок. 5 000 000 лексических единиц: в 3-х т. / под рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ; Астрель, 2010. Т. III. R-Z. 1263 с.
6. **Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А., Белов А. М.** Латинско-русский и русско-латинский словарь. Изд-е 5-е, стер. М.: Флинта, 2014. 753 с.
7. **Покровский И. А.** Лекции по истории римского права. СПб.: Типография Альтшуллера, 1907. 244 с.
8. **Филиппов К. А.** Заметки об эстетике немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // XLI Международная филологическая конференция (г. Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.): избранные труды / Санкт-Петербургский государственный университет; Филологический факультет. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. С. 185-197.
9. **Clodius Ch. A. H.** Entwurf einer systematischen Poetik, nebst Collectaneen zu ihrer Ausführung. Erster Theil. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1804. 803 S.
10. **Daiber Th.** Sakralisierung im säkularen Diskurs: Ein Flugzeugabsturz als katastrophe, drama und tragedia // Sprachliche Säkularisierung. Westslawisch-Deutsch. Sprachliche Forschungen und Texte: in 15 Bänden / hrsg. von A. Nagorko. Hildesheim – Zürich – N. Y.: Georg Olms Verlag, 2011. Bd. 13. S. 103-124.
11. **Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 10.01.2018).
12. **Duden.** Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden. 3. völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Mannheim: Dudenverlag, 1999. Bd. 7. Pekt-Schi. S. 2881-3360.
13. **Filippov K., Grigorieva L.** Deutschsprachige Grammatiken im wissenschaftlichen Diskurs der russischen Aufklärung // Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik. Beiträge zu den 23. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt Petersburg. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2017. S. 445-454.
14. **Forcellini:** Totius Latinitatis Lexicon [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexica.linguax.com/forc.php> (дата обращения: 26.06.2018).
15. **Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, 1731-1754** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=suchtreffer&suchmodus=> (дата обращения: 26.06.2018).
16. **Köbler G.** Althochdeutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. 6. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2014. URL: <http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html> (дата обращения: 10.01.2018).
17. **Kuße H.** Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.
18. **Mittelhochdeutsches Wörterbuch.** Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke, ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1854-1866: 5 Bd. Leipzig: Hirzel Verlag, 1990. Bd. 2. 842 S.
19. **Obrecht G.** Fünff Vnderschiedliche Secreta Politica. Straßburg, 1617. 336 S.
20. **Pfeiffer W.** Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Koblenz: Edition Kramer im Rhenania-Buchversand GmbH & Co, 2011. 1665 S.
21. **Pütter J. St.** Historische Entwicklung der heutigen Staatsverfassung des Teutschen Reichs: in 2 Bänden. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1786. Bd. 2. Von 1558 bis 1740. 320 S.
22. **Ranke L. von.** Die römischen Päpste: in 3 Bänden. Berlin: Duncker und Humblot, 1834. Bd. 1. 576 S.
23. **Rohr J. B. von.** Einleitung zur Ceremoniel-Wissenschaft der großen Herren. Berlin: Rüdiger, 1729. 880 S.
24. **Rohr J. B. von.** Einleitung zur Staats-Klugheit. Oder: Vorstellung Wie Christliche und weise Regenten zur Beförderung ihrer eigenen und ihres Landes Glückseligkeit Ihre Unterthanen Zu beherrschen pflegen. Leipzig: Martini, 1718. 1474 S.
25. **Schiller Fr.** Geschichte des dreyßigjährigen Kriegs. Frankfurt – Leipzig, 1792. 486 S.
26. **Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten.** Hamburg, 1790. Nr. 67. 27. April.
27. **Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache:** in 6 Bänden / hrsg. von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag, 1974. Bd. 4. M – Schinken. S. 2413-3212.

USAGE OF CONTRADICTORY MEANINGS OF THE LEXEME “SANCTION” IN THE GERMAN LANGUAGE OF THE XVII-XVIII CENTURIES

Manerova Kristina Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
k.manerova@spbu.ru

The article studies the usage of different meanings of the lexeme “Sanction” in the German language of the XVII-XVIII centuries taking into account eurisemantic character. With the help of etymological analysis, lexicographical and corpus methods, the article examines for the first time the semantic derivation of the German lexeme “Sanction” meanings in diachrony and the examples of its use with contradictory meanings. The lexeme “Sanction” comes from religious discourse, it was borrowed from Medieval Latin through the French language into German. In the German language of the XVII-XVIII centuries “Sanction” is a marker of legal discourse, in which different meanings of the lexeme are identified, conditioned by semantic-derivational development in diachrony.

Key words and phrases: ‘Sanction’; usage of meanings; semantic derivation; language secularization; eurisemantic character.

УДК 81'25

Дата поступления рукописи: 07.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.28>

В статье рассматриваются вопросы универсальности использования метафорической модели Medicine is a detective story (Медицина – это детективная история) в английском и русском языках. Материалом для исследования послужили кинодиалоги из американского медицинского сериала House, M.D. (Доктор Хаус) и их закадровый перевод, выполненный компанией Lostfilm. Изучение особенностей данной метафорической модели проводится на основе двух наиболее влиятельных в настоящее время теорий перевода метафор: лингвистической и когнитивной, и авторами предлагаются перспективные пути исследования метафорических моделей в современном кинопереводе.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; теория перевода; аудиовизуальный перевод; киноперевод; метафора; метафорическая модель; медицинский сериал.

Морилова Екатерина Сергеевна, к. филол. н.
Степанова Каролина Леонидовна
Санкт-Петербургский государственный университет
e.morilova@spbu.ru; karolinevonmueller@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ *MEDICINE IS A DETECTIVE STORY* (МЕДИЦИНА – ЭТО ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ) НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОГО СЕРИАЛА *HOUSE, M.D.* (ДОКТОР ХАУС)

Метафора в современной науке рассматривается не только в качестве неотъемлемой характеристики языка, но и как способ мышления, познания и структурирования мира, как специфическая ментальная операция в сознании человека. Именно поэтому исследования в области перевода метафор необычайно важны для современной межкультурной коммуникации: понимая, какой системой метафор оперирует носитель другого языка, можно познать и то, каким образом он воспринимает окружающий мир. Актуальность данной статьи состоит в обращении к сфере аудиовизуального перевода, значение которого возрастает с каждым годом в связи с постоянным увеличением видеоконтента в сети Интернет, для анализа метафорической модели, которая является продуктивной в современных англоязычных сериалах. Цель работы – сравнить функционирование данной модели в англоязычном и русскоязычном кинодискурсе и определить, является ли она универсальной или нет. Практическая ценность работы состоит в том, что выработанные в статье методы исследования могут быть применены для анализа других метафорических моделей, используемых в кинодискурсе, и перспектив их перевода.

Прежде чем рассматривать конкретные примеры перевода, необходимо обратиться к теоретическим основам исследования метафоры. Современный подход к ее изучению основывается на анализе когнитивных процессов, происходящих в сознании человека, и использует достижения сразу нескольких научных областей: лингвистики, психологии, нейрофизиологии и компьютерных наук. Наиболее полно концептуальная теория метафоры изложена в работе американских когнитивных лингвистов из Калифорнийского университета в Беркли Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [27]. По мнению авторов исследования, вся окружающая нас реальность по своей природе метафорична и каждый человек ее воспринимает и структурирует посредством своих личных ассоциаций. Согласно теории Лакоффа и Джонсона, человеческое сознание на протяжении всей жизни, особенно в детстве, концептуализирует окружающую реальность, основываясь на собственном субъективном опыте, моторном и сенсорном восприятии мира. Новые явления анализируются путем их сравнения с уже увиденными и усвоенными образами. Таким образом, память каждого человека постепенно накапливает и закрепляет сотни и тысячи образов, которые пересекаются и структурируют повседневную реальность.